

Фото-Граф Валерий Плотников

В Доме актера на Невском открылась выставка известного фотомастера

вернисаж

Зоя Кравчук

ДРУГОГО такого фотографа у нас нет! В объектив его камеры успели попасть великие мира сего — от Николая Симонова до Владимира Высоцкого! Кого-то он снимает в течение всей жизни, как, скажем, Аллу Демидову, Анастасию Вертинскую, Ирину Купченко или Марину Неелову, кого-то снял всего однажды — например, Григория Козинцева, Ефима Копеляна или Антониони, а кто-то вообще никогда не попадет в его объектив: этот петербуржец пристрастен к своим моделям и не снимает тех, кто ему не нравится.

О нем писали выдающиеся поэты. Андрей Вознесенский, например: «Аристократизм в красоте, Не среди родословных дубрав, Сын плотника — на кресте, Плотников — фото — Граф». Григорий Козинцев видел в его фотографиях фильм, снятый по кадрам, в котором каждый кадр — сцена! Под взглядом Плотникова герои нашего времени обретают несуетность и величавость. Он укрупняет их личности, помещая в искусственный интерьер, придавая лицам изысканность. Сергей Довлатов у Плотникова — благородный усталый вестник Свободы. Сергей Бондарчук пронзает трагическим взглядом смертельно раненого льва. Майя Плисецкая обыденно идет по чеховской усадьбе, как по собственной. А великие грузины — Роберт Стура, Резо Габриадзе и Отар Иоселиани — библейски мудры и печальны.

Когда моделью Валерия Плотникова становится непознанный бродяга Саша Соколов, то он становится античной аллегорией эмиграции. Андрей Битов же, напротив, низвергнут с литературного Олимпа и приземлен в старом удобном кресле, в котором так комфортно размышлять обреченности мира. Василий Аксенов в мизансцене Плотникова по-американски вальяжен, а бюст античного философа где-то сбоку, за его плечами, только усугубляет ощущение самодовольной удовлетворенности.

Наша беседа состоялась в Доме актера на Невском проспекте, где Валерий Плотников монтировал свою авторскую, юбилейную выставку.

— Во-первых, это не юбилей, — говорит Валерий Плотников. — Юбилей у меня будет через 15 лет. 75 — это единственная дата, которую мужчине отмечать к лицу... Все остальные дни рождения — это тщеславие и суесловие! Но поскольку круг моего общения на 90 процентов артистический, то приходится делать вид, что круглые даты — это радость, а на самом деле это суета...

— Особая любовь ваша — актеры! А как вы познакомились с Лилей Брик?

— В конце 60-х меня привел на Таганку Высоцкий. Там, на «Гамлете», и познакомились с Лилей Брик. Когда в назначенный для съемок день я впервые пришел к ней в дом, дверь открыл Василий Катанян. Он ничуть не удивился, что пришел какой-то незнакомый человек снимать Лилю! Было все так просто, как будто я бывал тут каждый день много лет! Лилия выполняла все мои просьбы. Мне показалось, что жостовские под-

носы и хохлома, русские шали не слишком шли к ее облику, хотелось снять ее в другом интерьере, но она требовала именно так — аля рюс. Кажется, она собиралась потом показывать свои портреты парижанам, в том числе ее не менее знаменитой сестре Эльзе Триоле, поэтому настояла на шалях и подносах. Позже она придирчиво смотрела «контрольки» и со свойственной ей иронией заметила, что Родченко снимал ее лучше. Я сказал, что Родченко снимал ее 30-летнюю. Лилия рассмеялась...

— Известно, что у Лили Брик вы сняли и изгой Сергея Параджанова, которого Лили помогла вытащить из тюрьмы. Так они и остались в портретной хронике XX века — величественная старуха в гриме и стоящий почтительно позади нетрадиционный гений. Другой питерский гений — Иосиф Прекрасный — Бродский вписан вами в некую Стену плача, а своего друга Михаила Шемякина вы оттенили старинной кирпичной кладкой, словно укоряя: мол, старины-то и не хватает.

— Ассоциации одолевают каждого зрителя в меру его осведомленности. Кому-то просто нравятся пышные павильонные портреты, на которых дамы, как и положено дамам, — в прическах, шикарных платьях и шикарных позах. Этот шик и тиражируется...

— В конце 80-х вы сделали большой парадный портрет недавнего юбиляра Бориса Гребенщикова... Традиционный античный бюст и напыщенная профильная поза БГ выдает ироническое отношение фотографа к этой модели...

— Да, действительно, Гребенщиков не мой герой. Но в годы андеграунда мне хотелось как-то помочь «Аквариуму», хотелось, чтобы их увидели все... И я сделал коллективный портрет группы в ее классическом «золотом» составе. Меня самого, помню, потрясла песня «Железнодорожная вода!» Я тогда подумал: надо же, вроде совсем молодой еще парень, а откуда-то знает об этой жизни, эти вокзалы, разруха. А что касается нынешнего БГ, то категорически не принимаю его в качестве орденосца. Ведь он был одним из тех, кто никогда не дружил с властью. И его давняя песня «Козлы» — яркое тому подтверждение...

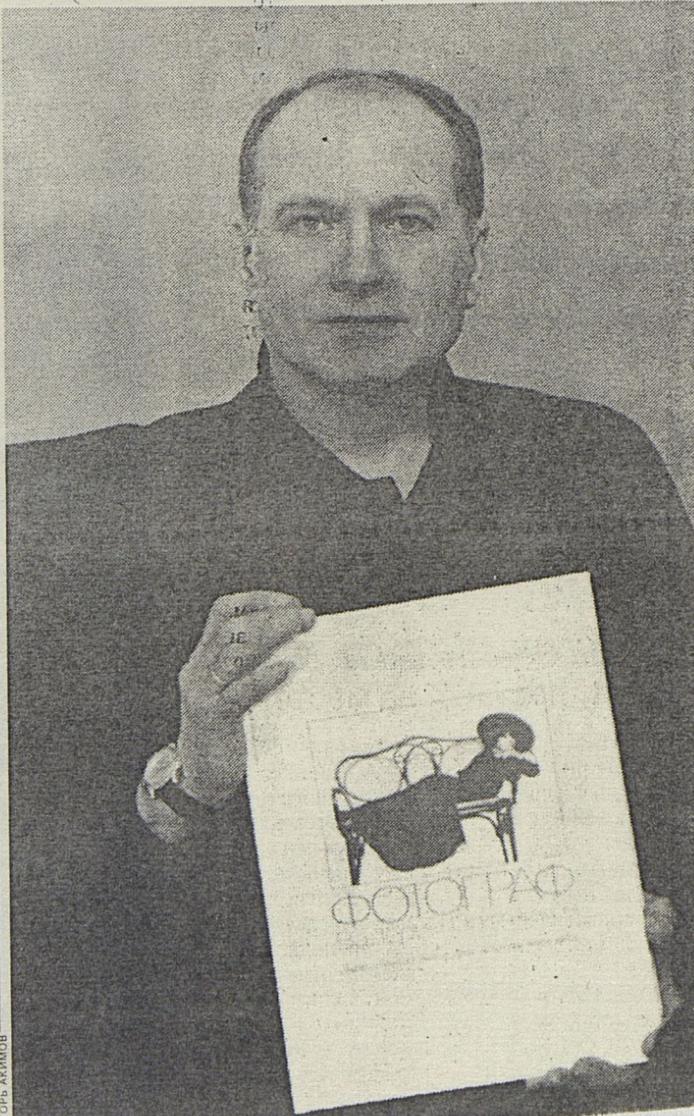
— Но тогда мы жили совсем в другой стране?!

— Страна и люди всегда одни и те же, и, к счастью, немногие меняют свои убеждения... Очевидно, это не тот случай. И хотя тому портрету Бориса уже много лет, я тогда интуитивно, очевидно, это почувствовал...

— Профессионалы фото любят порассуждать о «технике Плотникова» — о том, как выписаны фактуры тканей, как ставится свет, какие камеры используются...

— Так было всегда. И даже сто лет назад, когда расцветало фотографическое искусство. Но техника — это полдела.

■ Валерий Плотников: Страна и люди всегда одни и те же, и, к счастью, немногие меняют свои убеждения...

329